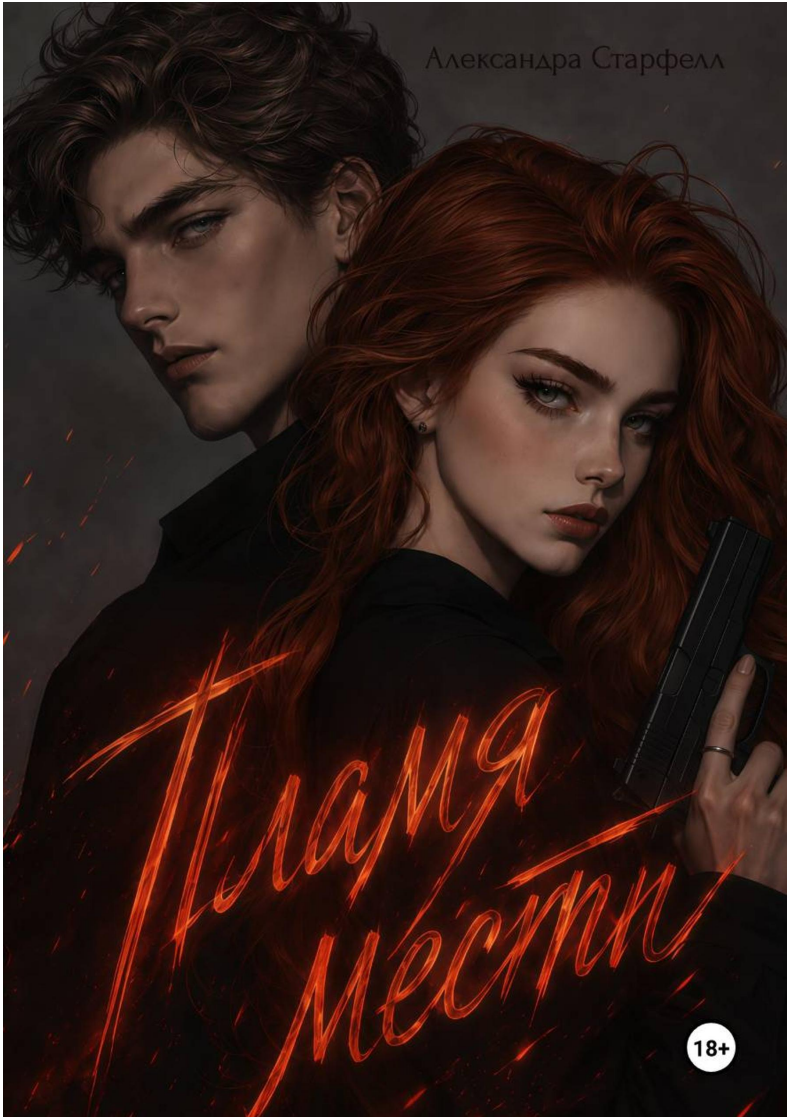
Александра Старфелл
Пламя мести
18+

Александра С

Пламя мести

https://litres.ru/74280723
SelfPub; 2026

Аннотация

Говорят, месть - это блюдо, которое подают холодным. Но внутри Эринии Блэквуд полыхает настоящий пожар.

Академия Хартвен не воспитывает героев — она создает инструменты. Эриния Блэквуд была их лучшим учеником: идеальное орудие, отточенное годами тренировок и лишенное жалости. После выпуска она живет лишь одной целью — вершить правосудие для тех, чей голос был насильно заглушен. Но цена этой справедливости слишком высока: месть, словно неугасающее пламя, выжигает её изнутри, оставляя на месте души лишь пепел.

Спустя годы она возвращается в родной город, чтобы вернуть долги тем, кто разрушил её жизнь.

Но очередное задание идет не по плану: Эриния натыкается на информацию, которая ставит под удар верхушку власти. На неё объявлена охота, но те, кто отдал приказ, совершили роковую ошибку. Они забыли, кого именно они создали. И на пути к своей цели Эриния не остановится ни перед чем.

Содержание

Посвящение 4
Приложение 5
Глава 1. Пламя 10
Глава 2. Пепел 21
Глава 3. Пламя 34
Глава 4. Пепел 48

Александра С
Пламя мести

Посвящение

Посвящается всем девушкам, которые однажды оказались во тьме. Тем, кто думал, что уже никогда не сможет подняться, но всё же нашёл в своём сердце огонь и сумел засиять ярче, чем прежде. Ваше пламя сильнее любой тьмы.

Приложение

Дорелия – небольшое, но процветающее королевство, расположенное на берегу моря Элириан. Страна славится своим мягким климатом, живописными пейзажами и богатой историей. Она сочетает в себе дух старой Европы и черты современного мира – с его технологиями, активной политической жизнью и культурным многообразием.

Форма правления: монархия.

Глава государства: король Элизар II Ардэм Сельварон.

Наследный принц: Дариус Рейлан Феникс Сельварон – популярный лидер нового поколения, известный своими прогрессивными взглядами и любовью к народу и своему королевству.

Принцесса: Лиара Мейриэль Сельварон

Исторический очерк

Дорелия возникла в средние века как крепость на пересечении морских путей и горных троп. Первые поселенцы строили форты и рыбацкие деревни вдоль побережья, а торговцы и ремесленники осваивали внутренние территории. В эпоху Возрождения королевство расцвело как центр искусств, науки и торговли. Города росли и строились университеты и мастерские. Многие архитектурные памятники того времени сохранились до сих пор. В XIX веке Дорелия пережила волну индустриализации. Были проложе-

ны железные дороги, развивалась горная промышленность и морская торговля. Сейчас она известная своим высоким уровнем жизни, стабильной экономикой и активной международной политикой.

Символы государства:

Флаг: Глубокий синий фон – символ моря и стабильности. В центре – золотое солнце с лучами морских звезд, знак энергии и прогресса. Серебристая волнистая линия – олицетворение экологии и моря. В левом верхнем углу – минималистичный королевский герб.

Герб: Верхняя часть щита – серебристые горы. Нижняя – синие волны моря Элириан. В центре – водяной феникс, мифическая птица с переливчатыми сине-бирюзовыми перьями и голубым пламенем. Он символизирует возрождение, силу и гармонию стихий. Над щитом – современная серебряная корона с элементами в виде капель воды и кристаллов.

Девиз Дорелии: «Свет, Сила, Единство».

Города Дорелии:

Солмер(столица) – сердце Дорелии. Здесь расположены Королевский дворец, Парламент, старейшие университеты и крупнейшие центры страны. Город отличается гармоничным сочетанием истории и современности. Узкие улочки Старого города соседствуют с футуристическими кварталами деловых центров. Здесь проходят главные государственные праздники, международные саммиты и культурные фестивали.

Келсфор – старинный город на севере страны. Келсфор

стоит у подножия горной гряды, его окружает лес и скалистые ущелья. Основу экономики составляет горнодобывающая промышленность, металлургия и традиционные ремесла: кузнечное дело, гончарство, резьба по камню. Зимой Келсфор превращается в туристический центр – сюда приезжают на горнолыжный отдых и фестивали народных промыслов. В городе население небольшое из-за плохой погоды, в Келсфоре почти всегда пасмурно. Большая часть города, ближе к горам, пустует из-за опасности для жителей.

Нотберг – южный курортные город на побережье Элириан. Нотберг – любимое место отдыха как местных жителей, так и для туристов со всего мира. Здесь протянулись широкие пляжи, работают роскошные спа–комплексы и яхт-клубы. Вечерами на бульваре играет живая музыка и в каждом ресторане можно попробовать свежайшие морепродукты. Особой популярностью пользуется День Элириана – национальный праздник с парадами, фейерверками и морскими регатами.

Вальден – Город лесов и озер, настоящий оазис в центре страны. Вальден окружен густыми сосновыми и березовыми лесами, а вокруг раскинулись чистейшие озера. Здесь развит экологический туризм, популярны походы, рыбалка, наблюдение за птицами. Местные жители гордятся своим бережным отношением к природе и качественными натуральными продуктами: медом, сыром, ягодами, фруктами и овощами. Вальден – центр экологических исследований. Здесь распо-

ложены учебные заведения, где изучают биологию и природоохранные технологии.

Адрос – промышленный и транспортный центр узел страны, город у границы с соседними государствами. В Адросе сконцентрированы машиностроительные предприятия, склады, логистические компании. Здесь проходят крупные торговые ярмарки, где встречаются производители со всей европы. Город живет в быстром ритме? Поезда, грузовики, морские контейнеры – неотъемлемая часть его ландшафта.

Ланвуд – главный морской порт Дорелии, расположенный на побережье Элириана. Ланвуд живет морем: рыбацкие рынки, верфи, судостроительные компании, школы мореплавания. Улицы города наполняют запах соли и свежей рыбы. Здесь каждый год проходит знаменитый Фестиваль Моря, который собирает гостей со всей страны и туристов из-за рубежа.

Эмери – культурное сердце Дорелии. Эмери известен своими музеями, театрами и художественными галереями. Город часто становится площадкой для международных фестивалей искусства, музыкальных конкурсов и литературных чтений. В архитектуре Эмери сохранилось множество зданий времен средневековая и эпохи Возрождения: старинные соборы, площади, узкие улочки с брусчаткой. Здесь ценят искусства во всех его проявлениях: от классической музыки до современного перформанса.

Фенбар – самый молодой город Дорелии, центр иннова-

ций и стартапов. Фенбар вырос вокруг технологических парков и исследовательских институтов. Здесь находятся ведущие компании в области IT, биотехнологий и зеленой энергетики. Фенбар привлекает молодых специалистов и предпринимателей. Конференции, хакатоны, стартап-инкубаторы – неотъемлемая часть жизни Фенбара.

Глава 1. Пламя

“Вернуться – значит снова пройти через пепел.
Даже если ты уже однажды в нем сгорел.”

Аэропорты – место, где замирает реальность. Междумирье. Пауза между было и стало. Здесь не жили, только двигались. Спешили, курили с дрожащими пальцами у стеклянных перегородок, обнимались слишком быстро и прощались так, будто увидят друг друга уже в другой жизни. Как будто это не прощание, а приговор.

Аэропорты пахнут кофе, дорогим пластиком чемоданов, духами, табаком, усталостью и предвкушением. Здесь нет времени – только ожидание. Только путь и ощущение, что ты не здесь. Ни там, ни тут.

И Эринии это всегда нравилось.

Она любила быть в дороге. Быть ничьей. Ни принадлежать городу, ни дому, ни человеку. Быть свободной. Когда человек в небе – он вне всего. Нет ни имен, ни прошлого. Даже боль перестает быть собой – она стирается турбулентностью, размывается в облаках, замирает под давлением высоты. Все чувства растворяются в реве двигателей. и вся сущность растворяется – становится тенью, оторванной от земли и себя.

Но этот перелет был другим.

Он был не в новую страну или город, не в безликую квар-

тиру с пустыми стенами и запахом пыли, не к очередной цели. К сожалению.

Он в город, который не отпускал девушку, но несмотря на боль, которую он причинил, она бы никогда не смогла бы его забыть. Без него она перестала бы быть собой, потеряла бы единственную частицу своей души. Если вычеркнуть этот город из памяти – не останется ничего. Ни боли, ни силы идти вперед. Ни цели, что будет поджигать не сдаваться.

Эриния не смогла его отпустить, как бы ее ни учили оставлять все в прошлом.

Но у нее не хватило храбрости сделать это, даже если глубоко в душе осколки ее сердца умоляли отпустить все.

И пусть просыпаясь в холодном поту, с криком в горле и с пустотой внутри, она ловила себя на мысли – а что если?

Нет. Все ее существо - каждый шрам, каждый сгусток боли и каждая тень в груди – цеплялись за это. До крови, до одержимости.

Двери перед Эринией распахнулись, и ночной воздух хлынул навстречу. Он был плотным и влажным, насквозь пропитанным солью, керосином и еще чем-то до боли знакомым. С привкусом высоты, камня, железа и холодного ветра. Чистого и дурманящего, как выдох перед прыжком со скалы. Такой запах проникал под кожу, жил в легких. Он не забывается. Он остается в тебе, как шрам.

Пахло горами – сухими, суровыми и безмолвными, как и сам Келсфор – город, в котором Эриния провела столько лет.

Этот запах стал ее частью. К сожалению…

Ветер ударил резко. Он врезался в лицо, хлестнул по щекам и растрепал волосы. Длинные, тяжелые, рыжие пряди вспыхнули, словно пламя, закружившись вокруг головы. Полы черного кожаного плаща мешались у ног, как темные крылья, придавая вес шагам, но не давая согреться от жгучего ветра.

Рядом с девушкой шагала большая немецкая овчарка. Кай. Ему было уже больше девяти лет, но несмотря на это он был в хорошем состоянии, ему пророчили еще минимум два года на службе. Он ни на шаг не отходил, двигаясь словно тень, всегда готовый в любой момент кинуться на защиту. Его умные глаза внимательно изучали все вокруг. Он был ее единственной семьей. Кай – последний осколок, который имел связь с ее прошлым. Он был немым защитником Эринии, ее щитом, силой и другом. В правой руке девушка везла за собой небольшой чемодан, с отбитыми углами и почти бесшумными колесами.

Эриния стояла на пороге бетонной площадки, одинокая тень на фоне огней взлетной полосы. Самолет впереди казался каким-то нереальным. Самолет казался живым, он словно дышал и звал. А она не была готова… но продолжала идти. Небольшой, белый, безупречный и холодный. На его борту, ближе к хвосту, тонко, изящно и с безжалостной точностью были выгравированы две буквы.

А. Х.

Академия Хартвен.

Это было печатью, клеймом, символом. Это ее личное проклятие и благословение. Ее единственный дом-ад.

Девушка остановилась чуть дальше от трапа, чтобы в последний раз взглянуть на небо, и подняла голову. Оно было бездонным и черным, как осколки ее сердца. Без звезд. Без луны – сплошная бархатная пустота, в которой редкие проблески самолётов скользили, как заблудшие искры – чужие маршруты, чужие судьбы, к которым она не принадлежала.

Под ногами холодный металл трапа. Эриния начала подниматься, слыша глухой стук подошв своих ботинок и чемодана. Каждый шаг был не просто движением вперед – он отзывался в теле, как щелчок затвора перед выстрелом. Сдержанно. Холодно. Неотвратимо.

У прохода стояли двое. Они заметили Кая и сразу насторожились – их взгляды цеплялись за него с внутренней тревогой. Он и вправду выглядел грозно: сильный, внушительный, с видом, будто сейчас готов вцепиться в глотку кому угодно. Эриния не осуждала их за страх перед ним. Кай и не пытался выглядеть дружелюбным – он знал, каково это — быть оружием.

Тем не менее, они сделали попытку сохранить лицо.

– Добрый вечер, лейтенант, – первой заговорила девушка с мягкой улыбкой. На бейдже – Хэйли.

– Рады приветствовать вас на борту, – добавил второй, чуть старше, с безупречно ровной интонацией. Чад. Он слег-

ка наклонил голову.

– Не беспокойтесь, – бросила Эриния, – он не тронет вас… пока вы не разозлите его.

Холодная усмешка скользнула по ее губам. Хэйли и Чад быстро обменялись взглядами.

– Подготовка завершена. Взлет через двадцать минут, – произнес Чад.

Девушка коротко кивнула им и шагнула внутрь, не задержав на них взгляда. Кай беззвучно двинулся следом.

Салон встретил ее привычной тишиной и роскошью, в которой не было ни излишества, ни теплоты. Мягкий свет скользил по кремовой коже кресел, по гладкому дереву с темным, почти чернильным отливом. Здесь все было выверено до мелочей, до тишины – стерильно, безукоризненно чисто, тихо и холодно. Здесь не было жизни – только контроль.

Эриния прошла вперед и остановилась лишь у своего места, у иллюминатора. Кай запрыгнул на соседнее кресло. Он улегся, продолжая следить за обстановкой. Его присутствие слегка отбрасывало тень тепла на стерильный холод интерьера, словно напоминание, что она не одна – даже здесь.

Не оборачиваясь, она сбросила с себя плащ и протянула его Хэйли, которая бесшумно следовала за ней и сейчас стояла рядом.

– Держи.

Она молча взяла плащ, сохранив прежнюю улыбку, и ис-

чезла из салона.

Эриния поставила чемодан на пол, откинула крышку – щелчок, и вытащила ноутбук, который лежал на поверхности. Закрыв чемодан, она положила ноутбук на столик перед креслами.

– Убери, – коротко бросила она Чаду, даже не взглянув на него.

Он взял чемодан без единого лишнего звука и сразу поднял его в багажный отсек, а потом вышел из салона.

Спустя несколько минут вновь подошла Хэйли. Она пыталась быть тихой и осторожной.

– Может, вам принести что-то?

– Воды, – произнесла Эриния, не отрываясь от текста.

Она исчезла и спустя некоторое время появилась со стаканом воды, который поставила на столик перед девушкой.

– Спасибо, – коротко, почти механически произнесла Эриния.

Она взяла стакан воды, не отрываясь от экрана, но взгляд невольно скользнул к Каю. Он лежал, слегка положив морду на подлокотник, наблюдая за ней и за всем, что окружало. Глаза спокойные и острые, но в них не было угрозы, лишь бессловесная преданность.

Эриния протянула руку и провела пальцами по его шерсти, он не пошевелился, только слегка прищурился. В его взгляде было все: защита, любовь и вечное «я рядом».

Взлет прошел спокойно. Девушка чувствовала, как ме-

талл под ногами оживает, вздрагивает, будто собирается с силами перед прыжком. Салон слегка начал вибрировать, двигатель постепенно наращивал мощность, и мир за иллюминатором начал медленно сползать вниз. Огни взлетной полосы остались позади, растворились в ночи. Самолет уверенно набирал высоту, и внутри нее появилось это странное чувство.

Десятки раз уже, но все равно каждый взлет внутри что-то цепляет. Нет, не страх. Что-то другое. Щемящее, похожее на тоску. Как будто в этот момент ты снова ускользаешь – от себя, от прошлого, от земли. От боли.

На миг она прикрыла глаза.

Там, внизу, остался Келсфор – город боли, крови и силы. Она пробыла в городе меньше двух суток. Только вернулась с предыдущего задания. Нью-Йорк. Утомительный месяц, который оставил после себя лишь усталость и отрешенность. Задание высосало все крупицы энергии. Несмотря на то, что она закончила с делами раньше, несмотря на приказ не торопиться. Покончив со всем в Нью-Йорке Эриния той же ночью вернулась в Келсфор, чтобы лично доложить о желании взять перерыв хотя бы на две недели, как дали другое поручение. Она не успела толком выспаться и отдохнуть. И вот снова – воздух, дорога, другой город. Слишком быстро. Слишком рано.

Спустя два часа после взлета самолет резко встряхнуло. Не сильно – всего пару рывков, как будто гигант схватил кор-

пус за крыло и коротко встряхнул. Турбулентность.

Каю это не понравилось. Он сразу приподнял голову, дернул ухом, но не залаял – только зарычал в сторону иллюминатора, недовольно.

Эриния лишь усмехнулась.

– Все хорошо, – тихо, почти шепотом, сказала ему.

Он взглянул на нее, будто не уверен, врет ли она, но все же лег, положив морду на подлокотник.

Ее такое уже не пугало, лишь утомляла перспектива оказаться в воздухе.

Бывали моменты и похуже. Когда обшивка гудела так, что казалось – ты вот-вот сорвешься в небо в свободном падении. Когда молишься уже не о спасении, а о том, чтобы смерть была быстрой. Это? Это как покачивание лодки на волне. Почти уютно. Бросит – так бросит. Главное, чтобы не на скалы.

На третьем курсе их неделю выкидывали из вертолетов и несколько раз даже из самолетов. Парашюты, конечно, были… в теории. Иногда срабатывали не у всех – у одного не раскрылся, у другого стропы перепутались. А чаще их специально выбрасывали группами, и у одного, а то и у двоих – «случайно» был неисправный купол. Учись, как хочешь, тащи напарника, импровизируй. Работа в команде, черт возьми. Педагогика у их наставников была… своеобразная. Уроки через падения. Через крики. Через тишину, в которой слышно, как звучит сердце.

Но хуже всего были не сломанные парашюты, а рабочие… с заедающими замками. С этими ржавыми застежками, которые не раскрывались, пока ты не увидишь лица деревьев. Все по очереди проклинали снаряжение, инструкторов, небо и землю. Даже родную мать – до тех пор, пока чудом не дернешь в последний миг и не рванет вверх. Адреналин обеспечен, спасибо, Хартвен.

Было страшно. Всегда. Не только в небе, не только в те секунды, когда земля приближается слишком быстро. Страх был частью распорядка, частью программы, и уже частью их самих. Его не подавляли – им учили дышать. Он появлялся в голосах инструкторов, в скрежете дверей, в белом свете комнат, где никто не говорил вслух, зачем ты там. Их учили не просто выживать – адаптироваться. Не просто терпеть – принимать. Со временем ты переставал различать, где заканчивается тренировка и начинаешься ты сам.

Сначала ты пытаешься сопротивляться, но потом привыкаешь. Ты привыкаешь ко всему. К тревоге, к боли, к тому, что кто-то рядом не встанет после падения. К безразличию, к тишине. Сначала – поневоле. Потом – потому что иначе не выжить. И тогда приходит осознание, холодное и безжалостное – спасения не будет. Ты не становишься бесстрашным. Ты просто перестаешь ждать спасения.

Потому что в Хартвене его не предусмотрено.

Эриния моргнула, словно проснулась. Салон вернулся – со своим белым светом и тишиной. Кай, будто почувствовав

перемену в ее настроении, ткнул ее носом под локоть, а потом, не спрашивая разрешения, тяжело запрыгнул и улегся прямо на ней.

– Ты серьезно? – фыркнула она, покосившись на него. – Ты весишь, между прочим, немало, великан.

Он лишь довольно фыркнул в ответ, устраиваясь поудобнее, будто именно тут – его законное место. Эриния вздохнула, но не прогнала. Его тепло расползалось по ногам, тяжело, но почему-то успокаивающе – как будто он своим весом удерживал ее в настоящем, не давая мыслям ускользнуть куда-то в прошлое.

Она посмотрела в иллюминатор. Под ногами – чернильная темнота. Только где-то впереди, вдалеке, начал мерцать свет – берег. Город. Сначала тонкая линия огней, потом россыпь. Ближе. Еще ближе. Стало видно море – большое, черное, бескрайнее. Оно блестело под редкими отблесками ламп, как ртуть, как живая ткань. Эриния сразу узнала его. Сердце сжалось.

Она словно наяву ощутила запах моря. Оно пахло солью, ветром и чем-то, что всегда возвращало ее к себе – как шрам, как запах старой крови, как имя, которое боишься произносить вслух.

Посадка началась мягко. Но каждая секунда приближения чувствовалась внутри, как тягучая нота. Она вглядывалась в ночь и ловила себя на мысли, что не готова… и все же была уже слишком далеко, чтобы повернуть.

Шасси коснулись земли с коротким толчком, и самолет чуть замедлился. Кай не шелохнулся. А она просто сидела и смотрела, как с каждой секундой становилась ближе к своему кошмару.

Глава 2. Пепел

“Самое страшное – хоронить не только воспоминания. Но и тех, кто был твоим всем. Они уходят навсегда, а ты остаешься в тишине.”

Планшет лежал на коленях у девочки. Холодный и тяжелый. Он словно весил вдвое больше обычного. Экран светился в сером полумраке комнаты, отражаясь в расширенных зрачках.

Взгляд был прикован к словам, которые отображались на экране. Медленно, по буквам она перечитывала их, надеясь на то, что хоть одна из них изменится.

ТРАГЕДИЯ В НОТБЕРГЕ: погибла семья генерального директора Campbell Distribution

В Нотберге, южной культурной столице Дорелии, произошла резонансная трагедия. В собственном доме была жестоко убита семья генерального директора Campbell Distribution Спенсера Кэмпбелла. Произошедшее сложно назвать просто преступлением – это бойня, от которой содрогнулась вся страна.

По предварительной информации, нападавшие ворвались в дом ближе к вечеру. У семьи не было шанса, после расправы преступники подожгли дом, оставив после себя лишь

Пламя и выжженную пустоту. В огне погибли все: Спенсер Кэмпбелл, его жена Лея и их двенадцатилетняя дочь Дафна. Сообщается, что пожар уничтожил почти все – тела обгорели до такой степени, что опознание практически невозможно. Те, кто знал Кэмпбеллов, твердят одно: они не заслужили такую смерть. Каждое лето они возвращались из Солмер в Нотберг – не по необходимости, а по любви. В этом году они планировали остаться еще на месяц. Им не дали этого времени.

Похороны состоятся 13 июня в 11:00. Город готовится попрощаться с семьёй Кэмпбелл.

Следствие продолжается, но мотивы остаются неясными. Кто и за что превратил жизнь этой семьи в пепел?

Она перечитывала эту новость снова и снова.

Сидела на балконе, уткнувшись в чужую кофту – слишком большую, слишком холодную. Ветер тянул за волосы, но девочка прямо стянула их в тугой пучок, чтобы не лезли в глаза. Хотя, пожалуй, она бы не возражала, если бы они закрыли от неё весь мир.

Рядом тихо лежал щенок. Его мягкая шерсть касалась её руки, а мерное дыхание немного согревало лед внутри. Маленький друг не отходил ни на шаг с того самого дня: ложился рядом, когда она пыталась забыть сном, и смотрел в упор, когда просыпалась с немым криком в горле. Он не требовал внимания. Только коротким выдохом напоминал: *я здесь*.

Небо над городом тянуло свинцом. Тучи висели так низко, будто хотели утопить в себе город. Солнце даже не пыталось пробиться – решило, что смысла больше нет.

А девочка… она просто смотрела. Вдох – выдох.

Медленно, отстраненно. Словно дышала не она, а кто-то другой. Кто-то, у кого не дрожали пальцы и сердце не выбивало рваный ритм. Кто-то, у кого внутри не зияла обугленная дыра.

Жизнь редко рушится с оглушительным треском. Чаще она просто… перестаёт быть твоей. Уходит без крика, без взрывов, без финального аккорда. Ты не падаешь на колени, не бьешься в истерике и не проклинаешь небеса, как это принято в кино.

Нет.

Она гаснет незаметно. Как последняя тень, которая исчезает в углу комнаты прежде, чем ты успеваешь осознать: стало темно.

Сначала наваливается глухая усталость. Потом кажется, что все вокруг – лишь затянувшийся морок, от которого вот-вот очнешься. Не та, что дарит покой, а та, что забирает воздух.

Ты все еще дышишь. Ешь. Переставляешь ноги. Но тебя уже нет. Ты смотришь на свои ладони и не узнаешь их линий. Слушаешь собственный голос – и ловишь в нем чужие интонации.

Привычные вещи – любимая чашка, мягкая подушка, за-

пахи, слова – все осталось по ту сторону. В том мире, где ещё длилось лето. Где пахло солью, разогретым песком и домашними пирогами. Где был дом. И где во всем этом был смысл.

Теперь же реальность выцвела и стерлась. Дом, в котором ты вырос; люди, которых любил; даже имя, которое прежде имело смысл – теперь лишь пустая шелуха. Оболочка.

А ты сам… Ты – всего лишь пауза между вздохами. Ты – нигде. Жив, но не здесь. Не теперь. Тень того, кем ты был раньше.

Девочка дотронулась до экрана. Медленно. Пальцы скользнули по холодному стеклу, оставляя мутный след поверх строчек.

«…двенадцатилетняя дочь Дафна…»

Она не заметила, как подошла тётя. Только почувствовала на плече руку Фреи – теплую, слишком знакомую, но сейчас неловкую. Фрея сомневалась, имеет ли она, родная кровь, право на этот жест. В памяти девочки всплыло воспоминание. которое оглушило ее: тетя плетет косы, готовит какао по фирменному рецепту, они вдвоем прячутся в старые пледы на террасе, пока мама смеется где-то в глубине дома. Тогда Фрея была ярче и громче всех. Сейчас она словно выцвела. Стушевалась перед лицом общей беды.

От этого прикосновения внутри всё заиндевело, но девочка не повернула головы.

– Ужин готов, – тихо сказала Фрея. Голос был ровным, почти спокойным, но где-то в его глубине дрожала тонкая,

натянутая до предела струна. – Пойдем.

Племянница не ответила. Просто встала. Тяжело, медленно, словно каждое движение давалось через вязкую, невидимую воду. Планшет скользнул с колен на плетеное кресло, продолжая мерцать в сумерках новостным заголовком. Щенок сразу поднялся и последовал за ней, его мягкие шаги были едва слышны.

Фрея заметила, что на экране всё ещё открыта новость. Девочка увидела, как изменилось лицо тети – всего на миг. Словно что-то внутри Фреи сжалось и перекосилось. Тетя быстро схватила планшет, выключила его и спрятала в складках пледа. Так прячут заряженное оружие. Будто боялась, что экран снова заговорит и произнесет это имя – чужое и мертвое.

На кухне пахло рыбой и специями. Но этот запах казался бесконечно далеким, существующим в другом измерении. Девочка села за стол, привычно спрятав руки на коленях. Маленький комочек улегся у ног, обняв лапами её щиколотки. Его тепло создавало вокруг маленькую, зыбкую зону безопасности.

Ноа улыбнулся ей. Нежно, тепло, несмотря на глубокую тень в глазах. Муж Фреи всегда был для неё островком спокойствия, и сейчас он боялся ранить её даже случайным взглядом. Он молча налил воды и подвинул тарелку ближе. Его руки, большие и сильные, двигались с предельной осторожностью. Словно племянница была сделана из тончайше-

го стекла, которое вот-вот даст трещину.

Всё это было невыносимо знакомо. Раньше Ноа всегда так о ней заботился: подкладывал еду, следил, чтобы ей достался самый большой кусок шоколадного пирога. Его фирменного пирога, который он готовил при каждом приезде. А потом они долго и весело спорили, чей рецепт лучше: его шоколадный или мамин лимонный.

Теперь за столом не пахло ни морем, ни пирогами. Не было ни тепла, ни смеха. Только тяжелая, липкая пустота.

Девочка машинально взяла стакан. Вода дрожала от мелкой дрожи в пальцах. Она уставилась в зыбкую поверхность, желая одного: утонуть в ней. Стать этой водой. Исчезнуть.

Фрея села рядом. Слишком ровная спина, слишком выученная деликатность. Она чувствовала на себе взгляд тети – пронзительный, полный немого ожидания. Но не повернулась, не подарила ни слова, ни жеста – лишь молчание.

У Фреи были папины глаза – те же золотистые крапинки на зелёной радужке, что были и у неё самой. Она физически не могла смотреть в эти до ужаса родные глаза. Не могла видеть, как Фрея продолжает жить и дышать, пока их общая семья обращена в пепел.

Если бы не Ноа, она бы сбежала. Он был единственной связующей нитью. Не рукой, нет - тонкой леской, почти невидимой, но он держал ее. Не тянул, не заставлял, просто крепко держал, не давая сорваться в бездну.

– Если не хочешь – не ешь, – тихо сказал Ноа, забирая у

неё стакан. – Просто посиди с нами.

Она кивнула. Почти незаметно. И положила руки обратно на колени. Щенок вдруг поднял голову и ловко забрался к ней на колени, ткнувшись мордой в ладонь. Она машинально зарылась пальцами в его шерсть.

В комнате повисло напряженное молчание. Девочка не поднимала глаз, но знала, что они смотрят. Фрея – чуть сжав губы, проглатывая то, чего не может сказать. А Ноа – по-другому. Спокойно и выжидающе. Он всегда умел молчать так, чтобы в этом было больше смысла, чем в любых словах.

– Через два дня мы возвращаемся в Келсфор, – резко бросила Фрея.

Она чуть пошевелилась. Не от удивления, нет. Скорее от звука голоса, разрезавшего тишину. Ноа осторожно положил ладонь на руку жены. Его движения были мягкими и обдуманными – как у того, кто боится случайно разрушить что-то уже треснувшее.

– Фрея хотела сказать, что там тебе будет спокойнее, — мягко начал он. – Горы, другой воздух… Это может помочь… начать заново.

«Начать заново». Эти слова полоснули по живому. Будто ей предложили вырвать с корнем всё, что осталось.

Она хотела спросить – как? Как начать все заново, если все разрушено. сожжено, обращено в пепел? Но проглотила слова, лишь крепче прижала друга к себе, только он оставался прежним.

– Ты сможешь восстановиться в Келсфоре, – продолжал Ноа. – Фрея уже договорилась о новых документах, мы устроим тебя в новую школу… всё будет по-другому, – в его голосе звучало недовольство.

Ноа хотел добавить что-то еще. Может быть, что они будут рядом. Что постараются. Что все наладится. Но девочка просто кивнула. Не потому, что хотела, а потому, что больше не было сил сопротивляться.

Тишина после этого стала другой. Стала колкой, как тонкий лед, по которому вот-вот кто-то пройдет.

Фрея резко подняла голову. Она смотрела так, будто готовилась к долгому бою, ожидала ярости… А девочка просто согласилась. Словно одним этим кивком выбила оружие из рук тети.

– Даф… – начала Фрея осторожно, почти мягко.

Никто не понял, что именно стало в этом звуке последней каплей. Голос Фреи или имя. Имя мертвой девочки. Это имя было ложью. Дафна погибла в том огне.

– Нет! – выкрикнула она.

Слово вырвалось резко, обжигающе. Она встала, стул жалобно скрипнул по полу. Щенок затаился у ног.

Она впервые подняла глаза и посмотрела прямо на них. Внутри вспыхнуло что-то холодное и режущее, как осколок льда по стеклу.

– Нет. Не смей больше называть меня так.

Тетя замерла с приоткрытым ртом. Ноа хотел было что-то

сказать, успокоиться, но девочка перехватила его взгляд.

– Вы ведь в любом случае собирались меня стереть? – ее голос дрожал от еле сдерживаемой обиды. – Поменять имя и фамилию, город, вычеркнуть из жизни?

Фрея и Ноа сидели молча, удивленно смотря на племянницу.

– Да. – подала голос Фрея.

– Это ради твоей же безопасности, – вмешался дядя.

– И в этой вашей академии у меня будет другое имя, да? – Дафна смотрела на тетю с еле скрываемыми слезами.

– В Академии особый устав, – с усталостью сказала Фрея. – Там нет имен. Ради безопасности курсантов. Только личные номера и позывные, которые распределяет система. Но в документах для поступления мы могли бы вписать другие данные. Мы подумали, что можем выдать тебя за Эйлин Оушен…

– Нет. Я не буду никакой Эйлин. Мне плевать. пусть стирают. Выбирают любой номер, любую фамилию для личного дела. Они ведь все равно не имеют никакого значения. Просто цифры, оболочка.

Фрея отшатнулась, словно от пощечины. А девочка стояла посреди комнаты – тонкая, бледная тень и знала – Дафны больше нет. Скоро даже имени не будет, лишь номер, который станет для нее всем.

Дафна закрыла за собой дверь и облокотилась на неё спиной. Комната встретила её тишиной и тусклым полумраком.

Все было по-прежнему – аккуратно, но от этого ещё больше казалось чужим. Она подошла к кровати и, не задергивая шторы, просто легла.

Щенок устроился рядом, как всегда, положив голову на ее бедро. Эриния закрыла глаза. Но желанный сон не приходил еще несколько часов, пока она просто не провалилась в небытие.

Дафна вынырнула из забытья, как из ледяной воды. Тело дернулось, воздух не шёл в легкие. Она судорожно вдохнула – один. второй. Грудь сжало. Глаза широко раскрыты, но все вокруг было расплывчатым.

Кошмар растворился, но след остался – как ожог. Боль, рыдания, паника. И страх. Оцепеняющий. удушающий страх. Словно она все еще застряла там, в ловушке собственного дома. В ушах до сих пор стоял грохот рушащегося мира.

Голова закружилась, а руки не переставали дрожать.

Она резко села, запутавшись в тяжёлых складках одеяла. Пальцы крепко вцепились в матрас, но не помогало – всё равно её трясло. Сердце так отчаянно билось в груди, что его грохот был слышен в ушах. Во рту пересохло.

И тогда рядом послышался шорох – друг.

Он проснулся сразу, как девочка села. Мягко потянулся к ней, ткнул носом в ладонь. Она попыталась вдохнуть, но не получилось, все ещё она находилась в вакууме. Он лизнул пальцы хозяйки, снова уткнулся мордой и прижался всем телом, опустив морду на плечо.

– Кай… – прошептала Дафна и зарылась пальцами в его шерсть.

Он был теплым, мягким и таким живым. Здесь. Она начала дышать вместе с ним. Его маленькая грудь мерно поднималась и опускалась – и она старалась подстроиться под его выдохи и выдохи. Повторять. Выдох. Выдох. Вместе с ним.

Прошло не больше десяти минут, прежде чем стало чуть легче. Сердце ещё стучало громко, но дыхание уже не сбивалось. Руки больше не напоминали лед.

Она откинулась на подушки и обняла друга крепче. Свой якорь. Единственное, что связывало её с настоящим, не давая соскользнуть обратно в пепел прошлого.

Когда Дафна снова смогла ясно мыслить, её взгляд скользнул к часам, которые стояли на тумбочке рядом с кроватью.

03:42

Три часа сна. И снова этот холод внутри. Пустота. Её самой больше не существовало – оосталась только оболочка, которой предстояло доживать чужие дни.

Дафна встала и, закутавшись в плед, перебралась на подоконник. Кай последовал за ней, устроившись в ногах тёплым, спокойным комочком. В его взгляде она видела то, чего больше не было в ней самой – любовь.

Я здесь. Все еще здесь. С тобой. Ты не одна.

Эриния прислонилась лбом к стеклу. Ночь за окном медленно стекала по окну. Сначала небо было плотным и черным, затем – чуть серее. На горизонте пробивался бледный

свет, и город начинал дышать. Фонари гасли один за другим, и улицы нехотя пробуждались.

Она смотрела, не мигая, как все меняется. И в этом движении было что-то терпимое. Словно если не двигаться, если просто следить за временем – оно действительно проходит. И если оно проходит, значит, она все еще жива. Или, по крайней мере, притворяется живой.

Свет едва только пробился сквозь облака, и небо было цвета пепла. Дафна все еще сидела у окна, закутанная в плед, с Каем у ног.

Часы показывали восемь утра, когда раздался стук в дверь. Один, потом пауза.

– Я не сплю, – тихо произнесла она.

Ручка перевернулась и на пороге появился Ноа. Он был во всем черном – черная рубашка, строгий черный пиджак, даже галстук. Он выглядел старше, тише и тяжелее. В его светлых глазах, в которых скрывался рассвет, сейчас была не просто усталость – там была боль. Тихая и глубокая. Такая, которую не показывают – её носят в себе камнем.

Девочка молчала, и Ноа молчал тоже. Долго. В этой тишине что-то разбилось. Это были остатки их сердец.

Ноа шёл хоронить тех, кого считал семьей. Своего названного брата. Сестру. Племянницу. Он шел туда, откуда никто не возвращается прежним.

Дафна видела, как его пальцы сжимались в его кулак – и снова расслаблялись. Как он пытается проглотить ком в

горле, чтобы не дрогнуть.

– Завтра утром мы должны уехать из этого города – сказал Ноа наконец. голос звучал хрипло, – Начнем все сначала.

По взгляду на него Дафна сразу поняла – он сам в это не верил. Он говорил это не ей, а себе. Как заклинание. Но оно не работало. Потому что разве можно начать все сначала, когда уже ничего не осталось?

– Собирай вещи, – сказал он, чуть тише, – пока мы не вернемся.

Ноа не сказал, куда они едут, да и Дафнане спросила.

И он просто развернулся и ушел, не дожидаясь ответа. Девочка слушала, как затихали его шаги в коридоре, потом как хлопнула дверь.

А она сидела у окна. Смотрела в бледное небо.

И прощалась.

Глава 3. Пламя

“Призраки не всегда приходят ночью. Иногда они встречают тебя у выхода из аэропорта. Шепчут из витрин, смотрят из чужих глаз.”

Остановившись, перед выходом из зоны контроля, Эриния поняла – весь ее план летит к чертям. Взять себя в руки и побороть дрожь в теле? Нет. Тело – предатель, а сердце ненужный орган, который только и делал, подставлял ее. Это чертово сердце сжали в кулак, сбивая ритм, но девушка попыталась взять себя в руки, шаг за шагом двигаясь вперед.

Кай же тихо ступал рядом, неотрывно следуя за своей хозяйкой.

Но не только тело предало в этот момент Эринию. Все вокруг стало чужим. Воздух сгущался, ставился вязким. Она едва могла вздохнуть. Звуки – шаги, объявления, перешептывания – отдалились, словно она смотрела на все это сквозь толщу воды. Сквозь прошлое. Эриния превратилась в статую, прочную и внешне неуязвимую, хотя внутри все горело.

Запах знакомых духов, которые пахли домом и морем, стал таким осязаемым, что от боди защемило в груди. Аэропорт оказался не просто вратами в город. Это ловушка, где прошлое столкнулось с настоящим.

Девушка не была здесь с того самого дня, но все казалось

таким родным. Просторные залы с огромными окнами, заставляли сердце замирать от волнения. Несмотря на поздний час в зале все еще были люди – кто-то ждал пересадку, кто-то дремал на креслах, кто-то обнимался на прощание. Запах кофе, гул голосов, монотонные объявления – все это сливалось в фоновый шум, но в голове звучало лишь это старых воспоминаний.

Маленькая рыжая девочка бегала по аэропорту, пытаясь увидеть в се и сразу, а родители смотрели на нее с теплой улыбкой. И вот малышка, увидев, магазинчик, подбежала к родителям, чтобы потащить их туда. В магазине было много разных украшений, но родители мягко направили ее к витрине в самом незаметном углу. Они пояснили дочке, что тут можно найти что-то уникальное: красивые украшения из жемчуга и изделия местных мастеров, которые символизировали Нотберг. Девочка выбрала какой-то кулончик с зеленым жемчугом, а отец с улыбкой сказал, что он напоминает цвет их глаз, на что женщина закатила глаза, а после тепло улыбнулась.

Воспоминание потускнело, и одинокая слеза скатилась по щеке – неожиданная, незнакомая. Это чувство, предательски теплое и одновременно разрывающее грудь, было ей чуждо и давно забыто. Эриния быстро смахнула слезу, но внутри уже не могла отрицать: прошлое догнало ее – как бы далеко она ни пыталась убежать. Оно все еще держало ее за горло.

Теплая морда коснулась ее ладони – легкое прикоснове-

ние, как будто он знал: еще немного, и она снова утонет. Девушка посмотрела на него. Его глаза – глубокие, внимательные – будто говорили: «Ты справишься. Я рядом».

Она глубоко вдохнула. Воздух был таким же вязким, но теперь она могла дышать. Шагнула вперед – медленно, но с каждым шагом увереннее.

Стеклянные двери с тихим шипением разъехались в стороны, выпуская ее наружу. Шаг – и она вышла в другой мир – более четкий, более громкий и более настоящий. На улице царила глубокая ночь. Над головой висело низкое небо, затянутое облаками, и только свет уличных фонарей придавал предметам форму. Воздух был прохладным и влажным – с ноткой сырости, как бывает после полуночного дождя. Свежий морской бриз обнял ее, напомнив о теплоте и доме. Аэропорт в это время казался особенно пустым, как будто город дышал тише.

Черный седан, безупречно вымытый, с зеркальной поверхностью, в которой отражались стеклянные стены аэропорта, стоял у самого выхода. Свет от ближайшего фонаря играл на капоте машины. Фары были включены, заливая асфальт мягким, белым светом. Он стоял буквально в трех метрах от двери, хотя здесь, по правилам, машинам не пускали. Остальные автомобили томились в отдалении, за линией ограждения, а этот ждал здесь, не подчиняясь правилам. Его очертания выделялись особенно резко на фоне ночной пустоты.

Дверца водителя открылась, и из машины вышел мужчина. Высокий, подтянутый, в классическом черном костюме, в белоснежной рубашке с идеально завязанным галстуком. На носу – очки в тонкой оправе, лицо безэмоциональное. Он подошел к ней спокойным, точным шагом, окинул быстрым взглядом и вежливо кивнул.

– Добро пожаловать, лейтенант.

Хартвен, видимо, решил побаловать ее столько редкой роскошью – выделил водителя. Неужели из-за прерванного отпуска? Вряд ли, но это не помешает ей насладиться отдыхом, ведь обычно она сама боролась с хаосом транспорта.

Он взял чемодан из ее руки без лишних движений и обошел машину, открыв заднюю дверцу. Кай, как ни в чем не бывало, первым запрыгнул внутрь и сразу устроился на сиденье. Эриния задержалась на секунду, бросив последний взгляд на аэропорт. А потом сделала шаг, еще один, и села.

Дверь мягко захлопнулась, отрезая ее от всего, что осталось позади.

Нотберг – город, в котором время словно играло в прятки. Современность здесь не вытесняла прошлое, а жила с ним бок о бок: узкие улочки древнего квартала переплетались с сиянием стеклянных небоскрёбов, создавая неповторимый узор. Она смотрела в окно машины и чувствовала, как воспоминания всплывали одно за другим, будто город сам шептал их ей, боясь, что она забыла.

Нотберг стоял на берегу моря Элирин, и Эриния помнила,

как в детстве ей не раз рассказывали, что это море никогда не бывает одинаковым. Оно менялось каждую минуту, как и сам город.

Следом в памяти всплыла Фелорейн, силуэт которой она увидела между домами и невольно задержала взгляд. Она все такая же – огромная жемчужина, застывшая между небом и морем. в голове сразу всплыло воспоминание, как днем она сверкала ослепительным белым, будто вобрала в себя весь солнечный свет, а к вечеру становилась золотистой, отражая закат. Сейчас же она отражала свет фонарей, но была не менее прекрасна.

– Фелорейн отражает море, небо и город – все, что делает Нотберг живым, – в голове прозвучал мягкий мужской голос, который был настолько отчетливым, словно его обладатель сидел рядом.

Сквозь открытое окно наполненный солью и чем-то родным воздух заполнял салон. Даже он был почти таким же, каким она его оставила… Стоял конец апреля. Эриния приехала в плаще, ожидая, что здесь ее встретит непривычное тепло после холодов Келсфора, но в текущем году погода в Нотберге казалась непривычно прохладной.

За время учебы она и думать забыла про местную мягкую погоду. В Келсфоре, где она провела последние 9 лет, климат всегда был суровым и холодным — даже летом там приходилось кутаться в куртки и плащи, а зимой и вовсе наступали лютые, беспощадные выморозки. Впрочем, Эриния

знала, что совсем скоро, к середине мая, всё вокруг снова прогреется и станет приятно теплым. Местный климат всегда имел свои законы: лето приносило с собой бриз – легкий, свежий, пахнущий морем и солнцем, а к зиме воздух становился холоднее, но никогда не терял своей мягкости.

Машина медленно двигалась по пустынным улицам, и девушка не могла отвести взгляда. Все было до боли знакомо, и все же казалось чужим – словно сон, в который вернулась слишком поздно.

Шумные рынки спали под закрытыми навесами, тусклые витрины отражали неон редких вывесок, а уличные фонари бросали длинные тени. Откуда-то доносилась музыка – глухая, словно из-под земли, обрывки мелодии и шагов эхом отдавались в узких переулках.

Они проезжали творческий порт, окутанный туманом и светом редких фонарей. Эриния вспомнила воскресные прогулки. Днем здесь всегда были художники – одни раскладывали картины прямо на мостовой, другие рисовали портреты прохожих. Как-то раз пожилой художник сказал ей, девятилетней девочке, что настоящий город – тот, который вдохновляет. Он решил нарисовать ее тогда – маленькую девочку, стоящую у моря. Отец купил ту картину позже и повесил в их гостиной.

Она вновь увидела море. Оно было темным, почти чернильным. Волны медленно накатывали на берег, блестя в свете луны и редких фар. Вместо солнечных бликов – се-

ребряная дрожь воды, и все выглядело так, будто море тоже помнило.

От переизбытка чувств становилось труднее дышать, каждый вдох давался с трудом. Воспоминания стали тяжелыми, как влажный песок на плечах. Девушка закрыла глаза в надежде дать себе передышку. И остаток пути она проехала вслепую.

Наконец машина плавно остановилась, и она медленно открыла глаза.

Несмотря на то, что было уже далеко за полночь, тишина здесь была не пугающей, а размеренной. Элитный жилой комплекс стоял, словно выточенный из стекла и стали монолит, упрятанный среди деревьев. Фасады подсвечивались встроенными светильниками, в окнах кое-где теплился свет.

Эриния открыла дверь и вышла, и ночной воздух ударил в лицо. Позади нее из машины спрыгнул Кай. Его лапы мягко коснулись асфальта, он тут же встал рядом и начал внимательно осматривать округу, проверяя, в безопасности ли они.

Водитель уже обходил автомобиль, держа в руках ее чемодан. Он поставил его рядом с ней, а сам выпрямился и произнес:

– Лейтенант, это ваше временное место проживания. Дальнейшие указания поступят чуть позже.

Она молча кивнула. Он протянул ей ключи – металлический брелок с выгравированной цифрой «237».

– Ваши апартаменты на одиннадцатом этаже, – уточнил он и добавил: – Там же вы найдете ключи от машины, которая ждет вас на охраняемой стоянке комплекса.

– Благодарю, – ответила она, и он кивнул в знак прощания.

Кай чуть придвинулся ближе, и они вместе направились к входу в здание.

У подъезда их встретил консьерж – низкий мужчина в сером костюме, он вежливо кивнул и открыл стеклянную дверь.

– Доброй ночи, мисс, – сказал он сдержанно и спокойно.

Эриния кивнула и вошла внутрь. Вестибюль был просторным и тихим, мягкое освещение подчеркивало лаконичный интерьер. Лифт с мягким звуком подхватил их и плавно начал подниматься.

На своем этаже она вышла из лифта и подошла к двери с номером «237». Вставив ключ-карту в замок, услышала привычное щелканье, и дверь открылась. Как только она переступила порог, в квартире автоматически включился свет – мягкий, теплый, который наполнил комнату спокойствием.

Квартира оказалась светлой, современной и безупречно новой. Просторная гостиная с большими окнами, через которые ночной свет мягко проникал внутрь. По обе стороны от гостиной располагались две остальные комнаты – две спальни.

Кай тут же ринулся осматривать территорию. Он внима-

тельно обнюхал каждый угол, проверил пространство под мебелью и с любопытством заглянул во все комнаты, словно отмечая каждую деталь. Как только Кай окончил осмотр, Эриния прошла в одну из спален, которая была ближе всего.

Она оставила чемодан посреди комнаты. Сняв плащ и ботинки, девушка почти без сил рухнула на кровать в той же одежде.

Усталость, копившаяся долгое время, обрушилась на нее с невероятной силой. Тело словно перестало слушаться, а разум медленно погружался в долгожданное забвение.

У каждого есть призраки прошлого – тени, которые следуют повсюду, каким бы долгим ни был путь вперед. Их нельзя спрятать, нельзя стереть, сколько ни пытайся.

Ее призраками стали воспоминания. Они не меркли, не рассеивались, а наоборот, с каждым годом становились ярче, словно огни маяка в бескрайней ночи. Иногда ей казалось, что все было бы проще, если бы время стирало эти образы. Если бы боль приглушилась, а прошлое стало лишь расплывчатым силуэтом на горизонте. Но время не стирало. Оно не залечивало, не делало боль тише. Оно лишь вытачивало воспоминания, делая их четче, резче, нанося новые шрамы вместо заживших.

Ее убеждали, что отпустить прошлое просто. Стоит лишь разжать пальцы и позволить ему ускользнуть сквозь них, как вода. Но как отпустить то, что делает тебя тобой? Как похоронить воспоминания, если они последняя ниточка, связы-

вающая тебя с тем, кем ты когда-то был?

Жить с грузом прошлого тяжело, но еще тяжелее – пытаться его забыть. Потому что забвение – это лишь другой способ помнить, только с закрытыми глазами. Иногда, очень редко, ей хотелось верить, что так будет легче. Но в этом самообмане было больше страха, чем облегчения. Страха, что однажды она откроет глаза – и не вспомнит. Ни их лиц. Ни голосов. Ни себя…

И именно этого в глубине души она боялась больше всего.

А когда день подходил к концу, позволяя ненадолго вздохнуть, приходил сон. Один и тот же кошмар, год за годом. Он преследовал ее упорно, неотступно, зная, что днем ей удается отвлечься, спрятаться от внутренней боли, но ночью защиты не было. Стоило закрыть глаза – и он возвращался. Это был не просто сон. Это было послание. Вопль из глубин души. Напоминание о том, где она потеряла себя.

Уютный двухэтажный дом со своим пляжем на заднем дворе. Воздух пропитан солью и застоявшимися тенями прошлого. Внутри густая тишина — такая, что кажется, дотронешься, и она рассыплется. Здесь каждый уголок хранил тайну, каждый шаг отзывался эхом в пустоте.

Но главное – они.

Она всегда видела их. Счастливых. С мягкими улыбками. С глазами, полными любви. Они ждали ее. Всегда.

– Заходи, милая, – родной и мелодичный женский голос.

Они тянулись к ней, обнимали, кутали в тепло, от которо-

го сжималось все внутри от тоски и отчаяния. А потом они шептали слова. Слова, которые она ненавидела больше всего.

– Прощание – это не забыть, а позволить себе двигаться вперед с легкостью.

Голос – как шелест волн. Теплый. Родной. И оттого – невыносимый.

– Прости себя, лисичка, – голос мужчины окутывал ее, словно плед в зимнюю ночь. Он пытался укрыть ее от холода, который уже слишком глубоко въелся под кожу.

Она видела боль в их глазах. Но раз за разом отрицательно качала головой. Пыталась сказать, что не согласна. Что она просто не может. Но слова не выходили. И она задыхалась от них.

Вдох.

Она проснулась.

Реальность встретила ее учащенным сердцебиением и пустотой в груди. Дрожь охватила все тело. Эриния медленно коснулась кольца на шее. Теплое и живое, будто оно пыталось защитить ее от холода, который расползался по телу. За окном ночь все еще цеплялась за небо, не давая рассвету взять над ним верх.

Рваные вздохи срывались с губ.

Кай резко поднял голову. Он лежал рядом. Девушка машинально потянулась к нему и провела рукой по густой шерсти.

– Все хорошо, – прошептала она, хотя сама не была уверена в этих словах.

Он еще мгновение смотрел на нее изучающе, будто видел боль, а потом опять положил морду на лапы и закрыл глаза. И она легла обратно, уставившись в потолок, пытаясь утихомирить свое сердце и дыхание. И позже усталость опять взяла верх над ее страхами, унося ее в небытие.

Тук… тук… тук…

Сначала ей показалось, что это просто шум в голове. Все вокруг сливалось в вязкую, мутную тишину, сквозь которую этот звук пробивался, как капля, падающая на металл, – размеренно, упорно и раздражающе.

Она перевернулась на другой бок, неразборчиво пробормотав проклятия – то ли в подушку, то ли в никуда, – и попыталась снова провалиться в сон. Но не вышло. Он словно держал ее на границе, не давая ни уснуть, ни окончательно проснуться.

Тук… тук… тук…

Голова налилась свинцом. Мысли пытались всплыть, как мертвая рыба в мутной воде, – и тонули снова. В висках отдавалась тупая, глухая пульсация. А этот звук… он будто вбивался прямо в череп, выстукивая раздражающий ритм по нервам.

Она поморщилась, зарылась лицом в подушку, прижала ее к уху, надеясь хоть немного заглушить звук. Не помогло. Он только усилился. Более четкий, более назойливый.

Тук… тук… тук… тук…

И тут еще свет…

Он полоснул по глазам. Казалось, кто-то раскаленным лезвием чертит по зрачкам. Девушка сдавленно застонала, медленно приоткрывая глаза. Все было размытым, но яркость тут же ударила по зрачкам, и она снова зажмурилась.

С трудом перевернулась на другой бок и прищурилась в сторону, где, по ее смутным воспоминаниям, должна была стоять тумбочка. Электронные цифры на часах светились ярко-синим светом.

06:27.

– Черт возьми… – прохрипела она, голос был осевшим.

Тук… тук… тук… тук!

Стук не прекращался. Он становился злее, упрямее. Удары ускорялись и звенели в голове, как молот по металлу. Она сжала зубы и перевернулась на живот.

ТУК! ТУК! ТУК!

Эриния тяжело вздохнула, словно вся усталость мира вдруг скопилась в ее легких. Каждое движение давалось с трудом, руки казались ватными, мышцы тянулись, как резина после долгой нагрузки. Грудь поднималась тяжело, словно кто-то сжал ее в железных объятиях. А в голове закипала злость – сначала тихая и вязкая, будто ржавчина, медленно разъедающая сознание, а потом вспыхнувшая огнем – резким, холодным, как клинок.

И вдруг тишину разорвал громкий, резкий лай. Кай.

Она вздрогнула, словно удар молнии пробежал по позвоночнику, и вдруг сознание вырвалось сквозь туман сна. Тогда осознание вспыхнуло – это был стук. Настойчивый, резкий. Она заставила себя сесть сквозь тяжесть тела.

Холодный пол под босыми ступнями был почти как пощечина реальности. Девушка машинально провела рукой по лицу, встала и быстро подлетела к чемодану, который все еще стоял там, где она его оставила ночью.

Секунда – и она резко расстегнула молнию. Ее пальцы безошибочно нащупали знакомый холодный металл ствольной коробки. Он был холодным в ладони, но привычно легким. Вся усталость вмиг уступила. Дыхание выровнялось, стало ровным и спокойным, как поверхность озера перед бурей. Глаза сузились.

Она бесшумно вышла из спальни – каждый шаг выверенный, спокойный и уверенный – с пистолетом наготове. Кай лаял и царапал дверь, пытаясь прорваться наружу. Едва она приблизилась, он отступил, не отрывая взгляда от двери.

Эриния подняла пистолет на уровень плеча, направив его прямо вперед. Палец был на спусковом крючке. Сердце билось ровно. Ладонь не дрожала ни на миллиметр.

Одним резким движением она распахнула дверь.

– Ну, привет, Блэквуд!

Глава 4. Пепел

“Некоторые двери открываются только один раз. Чтобы за тобой навсегда захлопнулась прежняя жизнь.”

Черная тонированная машина скользила по мокрой дороге, преодолевая километр за километром. Дафна не шевелилась. Она сидела, прижав лоб к прохладному стеклу, и следила за каплями, которые стекали по нему будто наперегонки. Одна стремительно неслась вниз, другая ползла с ленцой, третья срывалась и сливалась с соседкой, резко меняя направление.

В салоне пахло кожей и чем-то металлическим — как в больнице. Дафна втянула воздух носом и отвернулась от стекла, потеряв интерес к каплям. Сиденье под ней было кожаным, гладким, пахнущим абсолютной новизной. Удобным, но этот комфорт оставался лишь видимостью.

Рука сама нащупала кольцо на шее — знакомое, теплое, круглое. Оно всё еще хранило тепло её ладоней. Почти всю дорогу она не выпускала его из пальцев: касалась, крутила, проверяя, здесь ли оно. Металл согрелся, став почти как кожа, словно врос в ладонь. Дафна чувствовала каждый изгиб, каждый маленький скол. Это был её единственный якорь.

Медленно она опустила взгляд на левую руку. На указа-

тельном пальце красовалось то же кольцо, только в уменьшенной копии — тонкое, почти невесомое. Оно было велико ей, но она всё равно упрямо носила его, не снимая, как и цепочку на шее.

Кай лежал, положив морду ей на колени. Дафна даже не заметила, в какой момент пёс это сделал, просто почувствовала тяжесть и легкое, теплое дыхание. Медленно, почти машинально, она опустила ладонь на его голову. Мягкая шерсть, немного влажная от дождя, была гладкой и привычной.

За окном тянулся Келсфор — весь в серых тенях и влажных лужах. Этот город никогда не улыбался. Он всегда казался задумчивым и мрачным, нарочно пряча все светлое за пеленой. В нем всё было не до конца: тускло освещенные улицы, приоткрытые окна, люди, не успевшие согреться. И небо… будто никогда не умевшее быть синим. Только серым. Хмурым. Застывшим в вечной печали. Здесь всегда моросило — тонко, нудно, беззвучно. Дождь не лил, он шептал, раздражая кожу и мысли. Даже когда он утихал, воздух оставался мокрым и тяжелым.

Дафна не смотрела вперед весь путь. Ни разу не повернула головы. Только вбок — на капли, на Кая, на кольцо, на деревья и всё, что проносилось за окном. Но ни разу вперед.

Машина замедлилась и плавно остановилась. Водительская дверь открылась. Фрея, которая вела машину — всё время сама, не сбавляя хода и не говоря ни слова, — вы-

шла. Её каблуки тихо застучали по мокрому асфальту. Она обошла автомобиль, Фрея оказалась прямо перед её дверью. Мгновение — и створка распахнулась. Свежий воздух ворвался внутрь, холодный и сырой; Келсфор в очередной раз напоминал, что здесь его владения.

— Нам пора, — сказала Фрея. Спокойно. Почти мягко.

Дафна не ответила и не подняла взгляда. Медленно разжала пальцы и сделала глубокий вдох, пытаясь усмирить дыхание и бешеное сердце. Кай поднялся первым. Он положил лапу ей на бедро, но не вылез — просто посмотрел на хозяйку. Ждал — как всегда.

Она кивнула, тихо выдохнула и вышла. Подошва чуть соскользнула по мокрому асфальту, но Дафна удержалась — сжала пальцы и заставила себя стоять ровно. Даже это давалось с трудом. В ногах поселилась слабость, которая не проходила уже давно; она свила гнездо не в мышцах, а в самих костях. В голове. В сердце. Дождь почти не чувствовался, был настолько мелким, что казался скорее туманом, но волосы всё равно начали намокать, и холод тут же вцепился в шею.

Кай спрыгнул следом, легко и бесшумным, и тут же сел рядом, внимательно глядя по сторонам. Маленький щенок, играющий в храброго защитника, всей своей сутью старался казаться взрослым. Таким же, какой пыталась казаться и она сама. Дафна делала вид, что всё еще жива. Что двигается, думает, существует. Но за два месяца под присмотром Ноа

и Хлои, её психотерапевта, — с их бесконечной заботой, вопросами и терапией — ничего не изменилось. Потому что её жизнь закончилась. Оборвалась и исчезла в тот самый миг, когда её саму и тех, кого она любила, похоронили.

Она подняла глаза.

Центральный корпус Академии возвышался над ней, будто глухой, безликий монолит. Его огромные окна смотрели в пустоту. Ни теплого света, ни намека на гостеприимство — только холодный темный камень, строгие линии крыльев, уходящие в серый туман, и давящая, монументальная высота. Это здание было слишком огромным, чтобы стать кому-то домом, и слишком чужим, чтобы принять его.

Дафна вглядывалась в него — не с интересом, нет. Она хотела запомнить каждую деталь на случай… на случай, если придется бежать, прятаться или исчезнуть.

Какая же она тогда была глупая и наивная. Хартвен никогда не отпускает, даже после смерти ты всегда будешь принадлежать ему. Но тогда она оставалась всего лишь тринадцатилетней девочкой, потерявшей всё и пытавшейся найти хоть что-то, чтобы зацепиться за ускользающую жизнь.

Её рука снова нашла кольцо на груди. Она не отдавала себе в этом отчета — просто держалась за него. Эта привычка стала сродни умению дышать. Погладив металл и ощутив его знакомую гладкость, она почувствовала, как рядом появилась Фрея. Пальцы женщины мягко коснулись её плеча — слишком мягко.

Дафна вздрогнула.

— Тебе здесь понравится, милая, — прошептала Фрея.

Девочка обернулась и впервые за столько недель посмотрела ей прямо в глаза. Они были добрыми. Настоящими, но это только злило больше.

— Как ты так можешь, Фрея? — её голос был тихим, глухим. Будто она говорила из какого-то далекого, недосягаемого места.

Фрея опустила руку.

— Что? — в её глазах блеснуло искреннее непонимание. Ведь Дафна впервые заговорила с ней сама с того самого дня…

— Улыбаться. Делать вид, будто ничего не случилось.

Слеза скатилась по щеке. Дафна быстро смахнула эту предательницу тыльной стороной ладони, не давая ей упасть на асфальт.

— Даф…

Это было именем, к которому её больше не должны были взывать. Именем из прошлой, уничтоженной жизни.

— Не смей, — прервала её Дафна.

В ней не осталось ничего мягкого. Ни единой капли. Она не повышала голос, но он стал холодным и твердым — в тон кольцу, зажатому в кулаке.

— Где я буду оставаться? — спросила она, не глядя на женщину. Голос звучал ровно, почти безжизненно, но внутри позвоночник сжимался, как тугая пружина.

Фрея помедлила — совсем немного, но Дафна уловила эту заминку. Словно собеседница тщательно подбирала слова, чтобы не задеть, обойти острые углы.

— Общежития за главным зданием, — наконец ответила она. — В администрации тебе подскажут корпус и комнату. Ты будете жить с двумя соседками, они тоже первокурсницы-кадеты. Я подумала, что тебе будет легче с ровесниками…

Дафна просто кивнула. Внутри царила оглушающая пустота, словно слова долетали до неё из-под толщи воды.

— Когда начнутся занятия?

— Через три дня. Тебе сообщат все подробности сегодня. Мы опоздали — Фрея замялась, а затем продолжила с робкой полуулыбкой: — Давай я провожу тебя, чтобы не было проблем.

Девочка не дала ей закончить:

— Не стоит. Сама разберусь, — отрезала она и сделала шаг в сторону.

Голос Фреи нагнал её сзади — теперь он звучал чуть настойчивее:

— Я не сказала самого главного. Кай должен жить отдельно. С другими собаками. Здесь не место для обычных питомцев — он должен стать частью программы. Если ты не позволишь ему быть с остальными, он покинет академию. Это строгое правило.

Дафна остановилась. Развернулась к ней — медленно,

преодолевая порыв просто сбежать и проигнорировать эти слова. Но остановилась. Нельзя, не сейчас. Кай замер у её ноги, чутко ловя каждое движение, каждый оттенок её настроения. Она наклонилась, взяла щенка на руки и задумалась лишь на секунду, прежде чем твердо произнести:

— Кай остается со мной. И да, он будет проходить все тренировки, какие вы посчитаете нужными. Всё, что необходимо. Но у меня будет одно условие. По выходным он будет рядом. Со мной. Не в вольере, не на базе. Со мной.

Она посмотрела прямо в глаза Фреи:

— Думаю, ты сможешь уладить этот вопрос. Ты ведь умеешь это делать. Справляться со всем.

Ненадолго между ними повисла тяжелая тишина. Ветер шуршал листвой где-то на вершинах деревьев. Капли дождя лениво падали с карниза машины, словно время чуть притормозило свой ход.

— Иначе я тут не задержусь даже на секунду.

В этих словах не крылось ни угрозы, ни истерики — лишь холодная, беспощадная правда.

Молчание затянулось, но Дафна не сдвинулась ни на миллиметр, пока не увидела сдержанный кивок Фреи. После этого, не дожидаясь лишних слов, она шагнула вперед. Асфальт под ногами был скользким, ботинки ехали по мокрому камню, но она шла уверенно. Кай сидел у неё на руках, доверчиво положив морду ей на плечо.

Когда она приблизилась к главному входу, массивные дву-

створчатые двери из потемневшего от сырости дерева показались ей воротами в подземный мир. По обе стороны, под каменным навесом, замерли вооруженные дежурные в черной форме. Их лица напоминали суровые изваяния. Один из них бросил на девочку быстрый, оценивающий взгляд и толкнул тяжелую створку, открывая путь внутрь. Словно знал, что она придет. Словно её здесь действительно ждали.

Дафна прошла мимо них, не поднимая глаз.

Вдох. Выдох.

И она шагнула внутрь.

Пространство сразу же обрушилось на неё своей пятиметровой высотой. Дафна оказалась в огромном Центральном холле, утопающем в полумраке — стены из темного камня и дерева неохотно отражали приглушенный, рассеянный свет. Внушительный зал уходил вверх на два этажа, заставляя тринадцатилетнюю девочку казаться совсем крошечной. Прямо над ее головой, нависая над входом, в камне скалился высеченный девиз: *«Слабость — выбор. Сила — обязанность»*.

Она сделала еще шаг, и подошвы ее ботинок коснулись холодного черного и серебристого мрамора. Под ногами, раскинувшись почти на весь холл, лежал гигантский герб Академии, а по периметру, словно безмолвные стражи прошлого, выстроились знамена старых выпусков.

Мы никогда не знаем, когда именно пересекаем черту. Иногда всё начинается с одного шага — крошечного, почти невинного. Но именно он запускает необратимую цепь собы-

тий, и с каждым следующим метром путь становится лишь темнее. Назад уже не вернуться.

Тогда, будучи всего лишь ребенком, замершим посреди этого мрачного, давящего величия, Дафна еще не знала, что этот шаг станет её первым на пути к тому, кем ей суждено было стать.

Дьяволом.